

Олжас Сулейменов:

БУДУЩЕЕ НУЖДАЕТСЯ В НАС

Нет, наверное, сегодня на земле писателя, которого не вспомнили бы темы мира. В размышлениях о мире о будущем человечества звучат отчаянные ноты тревоги, в порой и отвращения и безысходности. Но самая верная согодня нота — это, на мой взгляд, нота заботы. Заботы о будущем, ответственности перед ним.

На писательских встречах, в наших разговорах и беседах мы ищем обоснований своей веры в будущее планеты, подкрепления своей уверенности, пытаемся передать это, вынуждены читателю. Почему бы не собрать такую книгу, где бы видные писатели планеты скажали скажо, каждый не стесняясь, свое слово о вечном мире, о факторах, подымающих уверенность человечества в завтрашнем дне? Пусть в подготовке этой книги участвует тысяча писателей, пусть даже больше — это будет наш общий роман «Война и мир, вернее, «мир против войн». Он станет документом, удостоверением личности современного литератора. Пусть он будет в каждой библиотеке, пусть лежит на столах президиумов. И, может быть, наши потомки, живущие в XXI веке, сберегутся не испачкать под деревом «мир» — сбывающая надежда планеты и будут благородно цитировать эту книгу.

Сегодня нет недостатка в писательских контактах, встречах. Эта традиция заложена еще предвоенными встречами писателей Европы. Но тогда предвзялись европейская война, наше — мировая. И начиненный состав участников расширился. Сегодня в анти-

военное движение воевавших и писателей Азии, Африки, Латинской Америки: «С кем мы, мастера культуры?» — вопрос заданный Горьким, актуален и в наши дни. Слово в наши дни значит для судьбы мира даже больше, чем во времена Горького. Слово писателя — слово международного договора.

Будущее нота, которую стояло бы жертвовать человечеством. Сего-дняшнее ситуация расширяет содержание старинных понятий, которые, казалось бы, не подлежат пересмотру.

Но в наше время судьбы каждой страны неразрывны, на жизнь и насмерть связаны с судьбой нашей общей родины — планеты Земля. Порой приходится слышать утверждения, что в странах так называемого третьего мира есть политические силы, ожидающие ядерного столкновения великих держав в наследство, чтобы они скрутили друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, склоняют свои клыки на гигантском кладбище человечества. (Изменился Кант, 1795 г.).

Это выражение, несомненно, было известно и в гитлеровской Германии, но оно воспринималось тогда как философская гипотеза. Мы обязаны утверждать это. Убеждайтесь, что в этой войне не победителей не будет. И лозунги агрессоров 40-х годов теряют всякий смысл. Не будет новых рабочих мест! Не будет захваченных территорий и богатой добчики! Никому не будет дано испытать сладкое чувство господства!

Чинов и наград не будет! Героев, во славе не будет! Поэтому, чтобы воспел подъем патриотов, не будет!

Скользящая цель войны уменьшается в сознании общества до размеров черной дыры. Объективное знание убеждающее. Охотники психологии воспитывали романтическим взгляда на войну как на дело мужества и отваги. Категория гитлеровской агрессии никак не отличалась от категорий войны Чингиз-

хана, Македонского или хановидов.

В наше время романтическую уступает позиции реалистическому взгляду. Уже то, что звучит в нашем докладе. Слово в наши дни значит для судьбы мира даже больше, чем во времена Горького. Слово писателя — слово международного договора.

Сейчас, став убежденным, может спасти человечество и каждый народ. В один из последних выступлений выдающегося борца за мир Индиры Ганди были названы 50 миллионов жизней. Сегодня мы имеем дело с другим отношением. Мы испытываем страхом, что венчанию мирной жизни на гигантском кладбище человечества. (Изменился Кант, 1795 г.).

Это выражение, несомненно, было известно и в гитлеровской Германии, но оно воспринималось тогда как философская гипотеза. Мы обязаны утверждать это. Убеждайтесь, что в этой войне не победителей не будет. И лозунги агрессоров 40-х годов теряют всякий смысл. Не будет новых рабочих мест! Не будет захваченных территорий и богатой добчики! Никому не будет дано испытать сладкое чувство господства!

Чинов и наград не будет! Героев, во славе не будет!

Поэтому, чтобы воспел подъем патриотов, не будет!

Скользящая цель войны уменьшается в сознании общества до размеров черной дыры. Объективное знание убеждающее. Охотники психологии воспитывали романтическим взгляда на войну как на дело мужества и отваги. Категория гитлеровской агрессии никак не отличалась от категорий войны Чингиз-

хана, который стоял бы жертвовать человечеством. Сего-дняшнее ситуация расширяет содержание старинных понятий, которые, казалось бы, не подлежат пересмотру.

Но в наше время судьбы каждой страны неразрывны, на жизнь и насмерть связаны с судьбой нашей общей родины — планеты Земля. Порой

приходится слышать утверждения, что в странах так называемого третьего мира есть политические силы, ожидающие ядерного столкновения великих держав в наследство, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Если это так, то третий мир,

которые хотят просто жить. Сего-дня, когда появляется на карте судьбы нации по имени Гама Сильвес, разумеется, приложим помочь нам, наш общий резум, противоположный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего мира. Но в Африке говорят, когда охотники не львов поднимают саванну, то злополучный хитростям неизвестных подвидов, которые видят свою миссию в подавлении, чтобы они склоняли свои клыки на гигантском кладбище человечества.

Что же это за мир?

Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда

вспыхнет война. Мы испытываем страхом, что они склоняют друг друга, и тогда взойдет солнце для третьего

ФИЛЬМУ
«ЧАПАЕВ» —
50 ЛЕТ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС РЕВОЛЮЦИИ

БЕССМЕРТИЕ

Об этом фильме писать и легко, и трудно. Легко потому, что не припинешь себя к истинности, трудно потому, что о нем, кажется, сказано все. Трудно и потому, что признание в любви, тем более публичное, — дело совсем уж нелегкое. Все же попытаемся.

Я бесконечно люблю этот фильм. Говорю — «фильм» и невольно испытываю некоторую ностальгию ради него, будничным словом такое огромное, потрясающее, параллельное явление, как «Чапаев».

Не хватит всей газетной полосы, чтобы описать только одну единственную удачу, легендарную удачу лежащего комбата А бурка, усы, папаха? Нет таких слов. Были, пожалуй, у Гоголя, когда любился он сибирь запорожцами. Нужно видеть. И слышать, и повторять вслед за Борисом Андреевичем Бабочкиным: «Должен быть командр! Впереди, на лихом коне! Или: «Я зам командр! Только в строю! А на коле и зам гвардии... Ты приходи ко мне в полночь, заполочь... Я чай пью — скажу чай пить! Я обедаю — покажу дула! Музыка! Вот я на коне командр!» Или звонок Петушкина: «Тихо, граждане Чапай думать будет!»

И тогда ты уходишь совершившим в этого человека, как влюблен в него Петухина. Ани, все его отважные бои и товарищи, ты становишься свидетелем его гибели...

Огромный срок — пятьдесят лет, чего только не было за это время в кинематографе, пора бы уж привыкнуть, но когда я вижу, как тонет и не может доплыть до берега человек в белой рубашке, как лежатся вокруг него по тяжелой серой воде пулеметные стволы, и слова и споны, как некогда раз, испытывали горе, я теряю дрожь моею человеческой, он тонет, тонает на глазах, и я бессилен помочь ему — терплю друга, которого много лет люблю за отвагу, отвагу, отвагу души, товарищество, детскую наивность, смешанную с лукавством, удаль, заражающую храбрость, беззаветность покоряющие обаяние, заразительность в словах и поступках — неповторимы.

Но одновременно и всякий раз я испытываю чувство особой радости. Погиб герой, но никогда остается радость встречи с ним. Я сегодня ощущаю причастность к общему чувству. Помимо, на плакатах: «Мы идем смотреть «Чапаева». Это фильм счастливой, уникальной судьбы. Его появление было праздником. Он стал общей любовью и зрителей, и кинематографистов.

О нем написано великое множество высоких, воссторженных слов, их разобрано и изучено во всех своих композициях и составах, но самое замечательное и обаятельное из сказанных о нем, по-моему, это движение свое: «но когда выйдет из-за бугра Чапаев в бурке на сером коне, с мечом, ложенным в его руки. Коммунистической партией и социальной революцией, страна марксокапиталистическая, и даже Западный забыт о том на общем лице рулет Чапаев врага, рубят ли Чапаев врага на среднем или на крупном плане». В этих словах заключена точная мысль, отделяющая мастерство, путь самое высокое, от истинного вдохновенного искусства.

Авторами двигали любовь, восторг, если хотите, который передается и нам, зрителям. Восторг — не умиление. Но в этой как бы стихийно выпавшей ленте, словно сплетой на одном дыхании песне, есть свою математика, четкая математичность и в построении отдельных сцен и в конструкции целого. Она могла родиться скрытостью людей, ее деб-

лантических, но рассчитана и спроектирована во высочайшем художественному классе...

Отнюдь не просто режиссера фильма. Она полна блестательных, реалистических решений — и монтажно-ритмических, и музыкальных, пронизанных песенной стихией, в ряду которых находят свое впечатляющее место и знаменитая сцена с «Лунной симфонией», изобразительных. Все это подлинные высоты образности.

Даже когда мы смотрите пластику, изображающую Чапаева и Петухина за пулеметом, он волнует нас четной, напряженной экспрессией, воспринимаясь как эмблема нашего кинематографа, эмблема, обещавшая еще...

И, наконец, чтобы описать силы завершения эпизода, когда, прикрывая пылающее Чапаева, отстреливающий Петухин, отбросил уже бесполезную, без патронов винтовку, падает, срезанный казачьей пушкой у самой уральской волны, из последних сил подымается на ломах, чтобы убить — Чапаев пытается — и снова падает, уже мертвый. Мы не услышим выстрела, не услышим стука вражеского пулемета, не отвратимо синхронизировано смертлью колыко ворот плаща, не услышим систа пуль, всплеск которых прощается с героем, пока холодные волны Урала не сокрушили наше.

Но как бы ни расчленять картину на составные элементы, повторять ее нельзя, как нельзя повторять истину искусства. Она не образец для подражания, не учебник мастерства. Она — пособие для адохования.

В «Чапаеве» нет никаких скучаков, подсечек, падений через голову коня, прыжков на ходу в вагон мчащегося поезда и снова с криком на коня. И так называемых батальных сцен там всего три, и синты они без использования сверхмасштабных общих планов и сверхвременной съемочной техники. Но уверены, испытавшие величайшее волнение, когда горло перекатывает, и я не стесняюсь этим признаться.

Фильмопись, песенное начало фильма для меня очевидно, и ведь падомаръ он, вышедший из народного искусства, как картина нуждается в иной кинематографической форме, в иной экранной выразительности.

В чем секрет «Чапаева»? Секрет долголетия, нестареющего возраста. Попытаемся ответить, как я это понимаю.

Мне кажется, что эстетика фильма — блеск всего народа, который несет на себе, как погони, песни. Особым строем чувств; глубокой лирической, самоцветом, лиризмом и внутренней раскованностью одновременно, покоряющей искренностью. И в этом фильме песни сама песня органично входит составной частью в ткань фильма.

История нашего кино — в первой психодраме, в поступах Чапаева и его товарищах нет ничего от наущенного пафоса. Герои — на их естественности. Но Пушкин, Ани, все его отважные бои и товарищи, ты становишься свидетелем его гибели...

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

И, конечно, — вдохновенная, скрытая игра Бориса Андreeвича Бабочкина!

О Бабочкин хочется сказать о Бабочкин.

История нашего кино — в первой психодраме, в поступах Чапаева и его товарищах нет ничего от наущенного пафоса. Герои — на их естественности. Но Пушкин, Ани, все его отважные бои и товарищи, ты становишься свидетелем его гибели...

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

История нашего кино — в первом психическом атаке — «Черный ворон», черный ворон, что ты вьешься надо мной...». Проводы Фурманова, песня «Отец сынья возвратил», что на свете есть любовь... веселый разговор» передходит в мелодию «Черного ворона» на уходящий вдали машине, без слов сквозь коминные трубы, но все равно смыкаются — «ты добыты не добьешься» — это предчувствие, подстерегающее героя. И все-таки «Чапаев» остается чудом, вот одно, единственно верное слово. Чудо искусства!

СОЦИАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ — В ДЕЙСТВИЕ

Бег на длинную дистанцию

Шестнадцать лет председательства Василия Старовойтова в белорусском колхозе «Рассвет» — это постоянная забота о людях, о создании для них хороших условий труда, быта, культурной жизни и досуга. Именно в этом видит председатель основу производственных успехов.

КАЗАЛОСЬ, что Кирилл Прокопьевич Орловский и колхоз «Рассвет» передадутся. Звание Героя Советского Союза он получил за войну, звание Героя Социалистического Труда за хлеб, выращенный на пшеницах, за поднятый из руин колхоз.

Но вот знаменитого председателя не стало. Никогда не думал Старовойтова, что именно ему предстоит продолжить дело жизни Орловского. Он, как и все, считал этого человека руководителем, которому нет и не может быть равных. Вот даже кивко про него сказали — «Председатель с Михаилом Ульяновым в главной роли, вошедший в «золотой фонд» нашего кинематографа. И когда Старовойтова вызвал тогдашний первый секретарь обкома партии Глеб Александрович Криулини, он предполагал все, но только не это. Разговор оказался не из легких. Соглашались они оговорить себе право уйти, если поймет, что пиши не по плану.

Проблемы камнем, испытываями по доверию стало первое же собрание, где рассказавшим предстояло избрать нового председателя.

Сколько помнила себя — рабочая. Пас уток, свиней, потом, когда подрос, коров. В семидесятые годы засыпал уже взрослым и свой хлеб зарабатывал сам. В партизанском отряде был пулометчиком, награжден орденом Красной Звезды.

— Ну что же, биография добавляется. А каких твоих программ? Вот это вопрос! Напечатано было, где задавали когда-то и К. П. Орловскому. Вот только отвечать на него в соревновании, годами послевоенные годы было труднее. Ни он сумел. Отличным хозяйством сделал Орловский «Рассвет». Отменился — для своего времени и по возможностям того времени. Но жизни, неостановимо шла вперед, предъявляя и колхозу, и его людям новые требования. А в «Рассвете» пока все держалось на ручном труде. Так что вопрос о «программе» задан был неспроста.

Хоть, чтобы человеку было радостно трудиться! Колхоз создали для человека, а не наоборот.

Казалось бы, что тут нового? Все, такие исповедуют. Но в теории, да в практике... Всю жизнь человек работает на план, и это необходимо. Но необходимо, чтобы с той же отдачей и плавно «работал» на человека. И не только на его детей и внуков, но и на него самого, сегодняшнего.

Василий Константинович начал проводить свою программу с улучшением земель, с увеличением размера площадей, занимаемых определенными культурами. Что такое поле размахом в 500 гектаров? Это не только эпитетический способ, но и более полная отдача техники, и экономика горючего на каждой операции. Это качество, обрачивавшееся сотнями дополнительных тонн — зерна, картофеля, молока, мяса. Увеличил не только массы, но и убрал с земли «бледницу», кустарники, камни. Все стволы, опоры, провода, кабели — все перенесли к дорогам, которые превратили в каналы бирюз, ани, капитанов. Для этой цели даже занесли в колхоз специальный капитальный питомник.

Старовойтова отлично понимал, что «упорядоченная» земля защищена от поточных, калеча-

тических спортивных. И точно: вот уже много лет кряду расстояние поля, мозговая на мокрая, на засушливые сезоны, дают по 35—40 центнеров зерна, по 250 центнеров картофеля. А в наизненном году и побольше выпадет, потому что снято с каждого гектара по 44 центнера зерна на круг и по 280 центнеров картофеля. Вот откуда у рассказавших немалые накопления, позволяющие им делать очень много и в другой сфере — социальной.

Василий Константинович три четверти своего председательства отдал строительству. Здесь, в «Рассвете», есть даже свой кирпичный и асфальтобетонный заводы.

Только последующие люди могут думать, что, строя для крестьянин дома, мы строим просто жилье, — рассуждают Старовойтова. — Нет, вместе с новой хатой мы строим новый крестьянский быт, меняем уклад деревенской жизни, лепим нового человека.

Что и говорить, живой поселок здесь не за jakiшись. Каждый дом — картина. В нем все коммунальные удобства, газажи, телефоны и обязательные розы в крымске. Квартиры в поселковых коттеджах в двух уровнях.

— Жизнь в моей «жизни» программы идет под номерами один, — говорит председатель. — От него зависят здоровье и настроение, и производительность. Поэтому буду строить столько, на сколько меня хватит. Сто тридцать семей мы уже в такие квартиры переселили, а предстоит еще четыреста.

Любят рассказывать свой двойной опыт культуры. Каждую субботу, каждое воскресенье там выступают свои или профессиональные коллективы. Поэтому буду строить столько, на сколько меня хватит.

В «Рассвете» строятся не только жилье дома. Строятся фирмы на 1400 голов крупного рогатого скота, синицы, гиры, теланы, цех по обработке овощей и фруктов, администрации новые фильмы, а в каждом дому — телевизор.

Однажды приехала к нам группа артистов Балтийского театра из Москвы, — рассказывает Василий Константинович.

— Ехали, аудиали, гаубицами,

бомбы из пушки минеральной воды. Ее обнаружил тут же, в самом парке, пробил скажешь и уже пустила в обход под своим фирменным называнием — «Рассветская».

— Вот тут, рядом, будет

свой стоматологическая поликлиника, чуть дальше — дом ветеранов труда. На него отпущен уже почти полмиллиона.

А санаторий нам обещался в два миллиона рублей. Но такие расходы оккуплены. Ни скучные

и скучные санатории

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

ЗА РУБЕЖОМ

Ударить
в колокола памяти

Старейшины польских кинематографистов, режиссер Ванда Якубовская, человек, вступивший в партию в январе 1942 года, бывшая участница Освенцима и Равенсбрюка, создала за свою большую творческую жизнь много интересных лент, которые вошли в золотой фонд польского кино.

Мы беседуем с товарищем Вандой в оторванной ей прессе в Москве. Она приехала на Центральную студию документальных фильмов, чтобы отобрать материал для своей новой картины.

На вопрос, о чём будет следующий фильм, Ванда Якубовская ответила так:

— В третий раз я обращаюсь к теме Освенцима. Первая картина была снята по москве сценарию в 1948 году и называлась «Последний раз».

Советские зрители старшего поколения хорошо помнят этот фильм, который упомянут в числе других наград Премии мира Всемирного Совета Мира. Наша молодежь познакомилась с ним в весной этого года на Днях культуры ПНР в СССР.

Второй фильм об Освенциме, в основу которого легла книга Т. Годуля «Конец нашего света», был снят в 1964 году — продолжает режиссер. — К третьей картине я сама написала сценарий, в котором тесно сплетены сегодняшняя жизнь и воспоминания далеких военных лет.

— Близко, все что-то заставляет вновь и вновь возвращаться к теме войны?

— От своей биографии, конечно, не уйдешь, и мне вовсе не доставляет удовольствия вспоминать то, что было в лагерях смерти. Но делают это по чувству долга и еще потому, что взвесив все, не может быть забытия. Если

«Последний раз» возник после окончания войны как дань погибшим товарищам, то «Конец нашего света» появился годы спустя, когда фланж из Запада снова начал поднимать голову и моя картина должна была служить напоминанием и предупреждением. Теперь же, когда прошло почти сорок лет со дня окончания второй мировой войны, в странах Запада все слышали голоса нефашистов и реваншистов, отрицающих факт существования концентрационных лагерей, раздаются голоса, что никаких ужасов лагерей не было, что все это выдумки коммунистов. Вот я и решила еще раз громко сказать правду, ударить в колокола своей памяти.

— Значит, вы считаете, что такие наиленты должны быть и ныне появляться из экрана?

— Я радуюсь, когда кинематографисты делают развлекательные фильмы, но считаю, что фильмы о войне, правильно воссоздающие то же самое и героическое время, обязательно должны сниматься, чтобы никогда не повторялось то страшное, что нам пришлось пережить. Теперь уже подросло и вступает в жизнь второе послевоенное поколение, и для этих двух поколений, не видевших войн, прежде всего предназначены эти фильмы.

В наши дни когда над планетой нависает угроза новой, страшной атомной войны, нужны особая бдительность, сплочение людей в борьбе за мир. Фильмы, пробуждающие память людей старшего поколения и вооружающие молодежь знанием и пониманием событий исторических и сегодняшних, всегда стоят в строю как бессменные часы на страже мира!

И. ЩЕДРИНА.

Мы — свидетели величия времени

Вот уже 67-й год братский советский народ все пропускает через свое сердце человечество, встречают как самый большой и значительный праздник день победы Великого Октября. Не дало моего поколения выпасть из истории быть непосредственным свидетелем могучей поступи социализма, определившего главное содержание новой эпохи в истории человечества, эпохи, начавшейся с залпа крейсера «Аврора».

Для того чтобы построить новое, счастливое общество, свободное от угнетения и эксплуатации, первому государству рабочих и крестьян жизненно необходим был мир. Не случайно в числе первых законодательных актов молодой Страны Советов был декрет о мире, обращенный ко всем народам планеты.

Сегодня мы живем в очень тревожные времена, когда планета во всея Содружественных Штатов и их наловских союзников, поставлены на грани термоядерной катастрофы. От того, сумеют ли народы защитить и сохранить великое наследие Октября, зависит будущее всего человечества. Во главе движений за мир, широко развернувшихся во всех уголках земного шара, как и всегда, идет Советский Союз, последовательно и целеустремленно проводящий ленинскую внешнюю политику.

Сэнгийн ЭРДЭНЭ,
монгольский писатель, лауреат Государственной премии МНР.
УЛАН-БАТОР.

